

Моск. Листок № 143

ВОЛКОВСКАЯ ВЫСТАВКА.

Я несколько запоздалъ съ отчетомъ объ этой небольшой, но интересной выставкѣ, которая была устроена Ярославской архивной комиссіей въ знаменательные, недавно миновавшіе «волковскіе дни», — спѣшу уплатить должокъ читателямъ, начавъ съ заявленія, что большая часть фигурировавшихъ на выставкѣ коллекцій доставлены были П. Я. Дашковымъ изъ Петербурга и А. А. Бахрушинымъ изъ Москвы. Последний, выставившій тутъ болѣе срока отдѣльныхъ предметовъ, говорилъ мнѣ, что если бы его предупредили заблаговременно, онъ успѣлъ бы разбраться во всемъ своемъ собраніи и несомнѣнно смогъ бы доставить вдесятеро больше экспонатовъ, — жаль, разумеется, что это не было осуществлено, хотя «Волковская» выставка и въ томъ видѣ, въ какомъ она предстала передъ ярославцами, была несомнѣнно очень интересна.

Тутъ, между прочимъ, фигурировалъ знаменитый портретъ Волкова, написанный масляными красками неизвѣстнымъ художникомъ и

подаренный ярославскому Демидовскому Лицею М. С. Щепкинымъ. Это, въ сущности, единственный болѣе или менѣе достовѣрный портретъ Волкова, — портретъ, снимки съ котораго всегда имѣли широкую популярность, а теперь получили общерусскую извѣстность, благодаря тому, что за послѣдніе мѣсяцы воспроизведены были рѣшительно всеми иллюстрированными изданиями. Говоря по совѣсти, лично меня портретъ этотъ очень мало удовлетворяетъ: то представленіе, которое мы имѣемъ о личности Волкова, очень мало ирритается съ изображеннымъ на портретѣ лицомъ женоподобнаго юноши, расплывчатая черта котораго не говорятъ ни о энергіи, ни о хорошо созрѣвшей, сознательной мысли! Трудно вѣрится, что этотъ «кулидонистый» молодой человекъ «надъ Волгой думалъ и съ соловьями рѣчи говорилъ...» Какъ извѣстно, на портретѣ этомъ въ рубѣ Волкова имѣется мечъ и корона — отсюда выводятъ заключеніе, что онъ изображенъ въ роли короля Лира, такъ какъ это была единственная «королевская» роль, которую исполнялъ Волковъ. Предположеніе, надо признаться, довольно легкомысленнаго свойства: едва-ли Федоръ Волковъ изображалъ Лира молодымъ женоподобнымъ юношей...

Остальная коллекція портретовъ Волкова — копии, снимки и небольшія вариации того же портрета. Тутъ, между прочимъ, интересенъ рисунокъ карандашомъ, дающій снимокъ того же портрета, при чемъ рядомъ изображена и какая-то женщина въ греческомъ, повидимому, костюмѣ. Кто эта женщина — неизвѣстно. Надо думать, которая нибудь изъ актрисъ волковской труппы. Рисунокъ этотъ принадлежитъ г. Бахрушину.

Этому отнынѣ уже знаменитому московскому коллекционеру принадлежитъ между прочимъ и хорошее собраніе портретовъ Дмитревскаго, собраніе, останавливавшее серьезное вниманіе посѣтителей выставки. Особенно хорошъ тутъ портретъ масляными красками, приписываемый Лампи. Тѣмъ же г. Бахрушинымъ доставлены на выставку и двѣ трагедіи Александра Сумарокова: «Хоревъ» и «Гамлетъ», напечатанныя въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи наукъ въ 1747 и 1748 годахъ. На первомъ листѣ имѣется автографъ Ф. Г. Волкова: «подарена отъ его Высочородія Господина Брегандира Александра Петровича Сумарокова Актіору русскаго театра Федоръ Волкову. Іюля 31 дня 1754 годъ».

Тотъ же коллекционеръ выставилъ и гравюру пунктиромъ Розанова: «первый директоръ російскаго (театра) А. П. Сумароковъ». Такой же портретъ имѣлся и изъ собранія г. Дашкова — гравюра черной манерой — единственный извѣстный экземпляръ. Общее вниманіе привлекло письмо Сумарокова къ неизвѣстному лицу, относящееся къ 1778 году. Это письмо доставлено А. А. Бахрушинымъ и заключаетъ въ себѣ просьбу о пособіи, съ ссылками на бѣдственное положеніе вѣчно нуждавшагося драматурга. Въ этомъ интересномъ автографѣ Сумарокова имѣются, между прочимъ, слѣдующія характерныя строки: «всему сему (то есть бѣдственному положенію автора письма) главная причина любленіе мое ко стихотворству, ибо я на него полагаю и не столько о чинахъ и объ имѣніи рачилъ, какъ о своей музѣ...» Какъ видите, вѣчная исторія!...

Далѣе, Сумароковъ говоритъ о томъ, какія мѣры онъ хочетъ принять для того, чтобы выйти изъ бѣдственнаго положенія и, между прочимъ, сознается, что намѣренъ распродать свою бібліотеку: «книгъ осталось у меня мало, да и тѣ я нынѣ продать намѣренъ... Желалъ бы я, чтобы сіи книги, питавшія такъ долго мою музу, достались въ хорошія руки...»

Съ большими интересомъ обозрѣватели выставки останавливались и передъ любопытнымъ документомъ, сохранившимся въ дѣлахъ Ярославской провинціальной канцеляріи и разысканнымъ Л. Н. Трефоловымъ. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ въ историческихъ матеріалахъ, касающихся начала русскаго театра, говорилось, будто въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія, то есть, въ эпоху «рожденія» этого театра, ярославскимъ воеводою были одинъ изъ представителей рода Мусиныхъ-Пушкиныхъ, теперь же изъ документа, въ которомъ «Бѣтъ челомъ лентовой еабрики содержателя Федора Холщевникова сынъ его Егоръ Холщевниковъ», выясняется, что воеводою былъ тогда Михайла Бобрищевъ-Пушкинъ. Это обстоятельство вноситъ нѣкоторую поправку въ исторію русскаго театра, но и кромѣ того изъ этого документа, которому минуло ровно 150 лѣтъ, мы узнаемъ, какъ справедливо констатировалъ въ засѣданіи архивной комиссіи г. Трефоловъ, что «комедіи» разыгрывались въ Ярославлѣ и помимо того историческаго сарая, гдѣ незабвенный Волковъ устроилъ первый театръ. Дѣло въ томъ, что въ первомъ пунктѣ челобитной говорится слѣдующее: «Сего генваря противъ 8 числа, будучи я в домѣ ярославскаго купца Григорія Сѣрова, гдѣ тогда производилася комедія, сѣвъ в домъ мой, и со мною же шли ярославской провинціальной канцеляріи канцеляристъ Яковъ Поповъ, ярославскіе купцы Алексѣй Волковъ женою, Козма Крѣпышовъ и другіе многіе; причемъ тогда едучи мимо насъ лентовойже еабрики содержатель Григорей Гурьевъ соабрищниками ево, втроихъ саняхъ, помянутого Волокова жену запрягомъ сшибли спогъ і, этого Воловы уборъ збивъ, хотели было подхватить».

Носили ли такіа «комедіи» характеръ публичный или онѣ были доступны только однимъ знакомымъ купца Сѣрова, — рѣшить мудрено. Ясно лишь, что въ числѣ пострадавшихъ при возвращеніи домой съ «комедіи», разыгранной въ домѣ Григорія Сѣрова, былъ и родной братъ Федора Волкова — Алексѣй Григорьевичъ Волковъ, съ женою своею, которую хотѣли «подхватить» тогдашніе ярославскіе добрые молодцы. Слѣдовательно, устроитель «комедіи» Сѣровъ былъ не чуждъ семейству Волковыхъ... Независимо отъ этого, документъ этотъ свидѣтельствуетъ и о тѣхъ дикихъ нравахъ, которые господствовали тогда въ Ярославлѣ и съ которыми началъ борьбу «комедійнымъ» оружіемъ знаменитый Волковъ.

Заключая свою замѣтку выпиской изъ этого интереснаго документа, и прибавлю лишь, что каталогъ выставки очень хорошо изданъ и снабженъ нѣсколькими интересными фототипіями, исполненными московскимъ фотографомъ К. А. Фишеръ.